

ЭКОНОМИСТЬ.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Ф-98-ХЛVI

УКАЗАТЕЛЬ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОМУ,

СТАТИСТИЧЕСКОМУ И ПРОМЫШЛЕННОМУ ЖУРНАЛУ,

ИЗДАВАЕМОМУ

И. Вернадским.

ТОМЪ II.

КНИЖКА 6.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

АВСЕДОВАНИЕ.

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЯ СОБРАЖЕНИЯ.

Всегда си пишите!

—

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛНЕСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 8 декабря 1859 года.

Писаря А. Илларионовъ.

Экономические вопросы, засорышихъ которыя всегда существовали и существуютъ въ чистовеческихъ обществахъ, устранишися на некоторое время въ счастье стечения обстоятельствъ, неблагоприятныхъ для научного анализа, начиная мало по малу опять вступать въ свои права, занимать себы умы; и неудивительно! Вопросы эти всегда и пѣдѣ присущи человѣку, они касаются самыихъ живыхъ его интересовъ, пѣдѣ решеніе бываетъ нужно сдѣлать въ короткую минуту человѣческой жизни. Отъ болѣе или менѣе удачнаго разрешенія этихъ вопросовъ, основанного на болѣе или менѣе достовѣрномъ пониманіи предложенныхъ законовъ существованій человѣка, зависить счастье или несчастье подлинныхъ человѣческихъ обществъ. Свойѣ изслѣдований человѣческого ума въ области законочности, общественнаго быта состоятъ въ соединеніи науки о части, которой есть политическая экономія, какъ наука о природѣ, распределеніи и накопленіи богатствъ, или какъ теорія цѣнности благъ, соціальной науки, такъ и

политическая экономія — науки до того новыя, что первая изъ нихъ, даже еще не успѣла поаситься въ какомъ-нибудь отрывочномъ сознаніи. Возможность существованія той науки, какъ теорія общества, сколько намъ известно, зародилась то либо, кроме разбросанныхъ въ различныхъ сорокаахъ изслѣдований и эссеий, существованиемъ Аристотеля общеотца подъ названіемъ *наука о государствахъ*, для разсмотрѣнія *гражданской науки*, которую онъ далъ свое засвидѣніе въ Брадфордѣ.

Но въ политической экономіи, хотя уже болѣе окончательно, все-таки не можетъ похвастаться систематическими рядомъ строго доказанныхъ истинъ: множествомъ же положеній еще подвѣсить спору; кроме того, что мы стараемся обѣ этомъ предметѣ выяснить въ продолженіи настоящаго разсужденія, здесь для подтвержденія нашего предложенія упомянемъ только о *законахъ и теоріи пародонаселенія*, какъ о предметахъ стоящихъ въ политической экономіи.

Слѣдовательно въ политico-экономическомъ полѣ много работы, предстоитъ разыскать много истиинъ ведомою горючимъ извѣстныхъ, и открыть много истинъ новыхъ, что лучше въ жизни, некатъ ли истина, — ничего, кроме истины, истины во всякомъ случаѣ, — или предавать я маражамъ и обольщеніемъ фантазій? — Для ума, привыканаго къ величественнымъ красотамъ науки, къ неизысканнымъ удовольствиямъ анализа, отвѣтъ не можетъ быть сомнителенъ. Истина такъ прекрасна въ глазахъ ея поклонниковъ, что съ презрѣніемъ незамѣшимъ для нихъ никакихъ обольщений воображенія. Но истина, не ходившая разысканной, ведетъ часто, особенно въ практическомъ си примененіи, къ бѣрьѣ и насиліямъ, и потому поклонение истины не всегда безошибочно.

По какому-то роковому закону (который однако при-

ближайшемъ и внимательнѣйшемъ вслѣдованіи непремѣнно можно объяснить и линить его рокового значенія) человѣчество всякую попытку умовъ къ разгадкѣ истины, всякую новую истину встрѣчало враждебно. Надо однако же сказать, что одна только истина полезна и что гоненія нисколько ей не вредны: она особенно живучи и ся не убить ничѣмъ. Сколько жертвъ было принесено утвержденію нашскаго владычества въ Европѣ! Въ послѣднее время кажется владычество это послѣ временной опасности утвердилося на долгое время и на прочномъ основаніи; какъ вдругъ передъ нимъ явился грозный призракъ въ лице маленькаго Мортары, призракъ, имъ же самимъ вызванный....

Какъ бы то ни было, сила вещей заставляетъ человѣка анализировать явленія жизни, доискиваться непреложимъ законовъ этихъ явленій, ихъ причина и послѣдствій; и такъ какъ умъ человѣческій, по своей природѣ, не можетъ оставаться въ нерѣшительности и долженъ скрѣпѣ прибѣгнуть къ решенню ложному, нежели вовсе не рѣшать, то и въ политической экономіи находится еще довольно положений шаткохъ, не совершиенно доказанныхъ. Притомъ наука эта имѣетъ ближайшее соприкосновеніе съ практикою жизни: явленія, которыя ей предстоитъ анализировать, совершаются ежедневно и со всѣкимъ членомъ общества; и потому истинные научныя решения относительно законовъ этихъ явленій отражаются въ промышленности и въ административныхъ мѣрахъ.

До сихъ поръ еще продолжаются споры о томъ, что такое политическая экономія. Составлять ли она нераздѣльное цѣлое съ прочими нравственно-политическими науками или она отъ нихъ независима? Существуетъ ли наука соціальная, и политическая экономія составляетъ

только часть этой науки, или сама политическая экономия и есть социальная наука? Эти вопросы еще разбираются учеными. (Indep. Belge. 1858. Soc. № 281. Revue économique, по поводу книги Courcierles - Seneuil: *Traité théorique et pratique de l'économie politique.*)

Существуют ли или не существуют въчные, непреложные, на природѣ вещей основанные законы общественной жизни? Отступление отъ этихъ законовъ влечетъ ли за собою бѣдствіе для человѣчества? Если на этотъ вопросъ сдѣлать отвѣтъ утвердительный (а намъ кажется, что другаго сдѣлать нельзя), то должна быть и наука о законахъ общественной жизни, назовите ее пожалуй хоть социальной наукой. Какъ въ слѣдствіе непреложного закона общественной жизни богатство, совокупность благъ, удовлетворяющихъ человѣческой потребности, есть необходимое условіе существованія человѣка, то непремѣнно должна быть наука о законахъ произведенія, распределенія и потребленія богатства; назовите ее, если хотите, хоть и политическою экономіею. Очевидно, что эта наука должна составлять часть соціальной науки.

Возможно ли, чтобы социальная наука и политическая экономія расходились въ своихъ основаніяхъ съ настоящею нравственностью? И этотъ вопросъ занимаетъ еще учныхъ, а кажется ему слѣдовало бы быть дѣломъ давно разрешеннымъ. Курсель - Сенель, въ приведенномъ выше своемъ сочиненіи подъ страницами заглавиемъ *Traité théorique et pratique de l'économie politique*, говорятъ: «нравственная наука (la morale) ищетъ въ дѣйствіяхъ, которыхъ совершение возможно человѣку, основанія алі идеи добра и правды. Законодательство идеи справедливости и пригодности! (ce qui est évident). Политическая экономія изслѣдує причины, по которымъ

человѣческія общества богатствуютъ или бѣдствуютъ.» Очевидно, это предложеніе не справедливо. Человѣческій умъ ищетъ непреложныхъ законовъ общественной жизни; эти законы ни мало не зависятъ отъ человѣческаго произвола, и потому непремѣнно основаны на началахъ добра и справедливости. Между различными другими явленіями человѣческой жизни, явленія экономической—произведенія, распределенія и потребленія богатства, составляютъ предметъ этихъ законовъ; и потому законы, на которыхъ основаны явленія экономической, никакъ не могутъ находиться въ противорѣчіи съ началами добра и справедливости. Человѣчество, сознавъ въ известной степени эти непреложные законы своего существованія, сознаніе свое выражаетъ въ законодательствѣ, т. е. собралии править, обизывающихъ и опредѣляющихъ волю человѣка, какъ существа свободно - разумного. И эти правила въ такомъ только случаѣ заслуживають великое имя законодательства, когда ни мало не уклоняются отъ идеи правды и справедливости, и никакъ не могутъ быть основаны на началѣ пригодности (*expédition.*) Но n'este vivre, nemipem laedere, nimis cuncte tribuere! этотъ вопросъ о тождественности или противорѣчіи между положеніями политической экономіи и законами нравственности составляетъ камень преткновенія для политико-экономовъ и моралистовъ. И действительно, въ практикѣ находится много призрачн., могущихъ затруднить любовь мыслителя. Напримеръ спекуляція на биржѣ и ажиотажъ никакъ не могутъ быть оправданы нравственностью, а между тѣмъ они вроили въ промышленные обычай. Предприниматель какой - либо фабричной промышленности, для того, чтобы вытеснить изъ рынка производствъ фабрикъ однородныхъ съ предметами его собственнаго производства, въ продолженіи несколькиихъ лѣтъ

продает постоянно свои произведенія по цѣнѣ ниже уровня издержекъ производства; такимъ образомъ онъ достигаетъ своей цѣли, отстригаясь отъ своихъ произведеній конкуренцію, и послѣ, сдѣлавшись господиномъ рынка, не только возвращается свою потерю, но и приобрѣтаетъ значительный барышъ; но между тѣмъ оно разорило несолько фабрикантовъ съ ихъ семействами. Этотъ предприниматель можетъ ли быть названъ человѣкомъ нравственнымъ? На основаніи же теперешнихъ промышленныхъ обычаевъ и начала пригодности (*éprédient*) онъ совершилъ праѣ. Въ сѣверной части Черниговской губерніи и въ юго-восточной Минской урожай бывають по большей части средніе, между тѣмъ какъ въ губерніяхъ малороссийскихъ и новороссийскихъ значительные урожаи перемежаются съ болѣшими неурожаями. Во время такихъ неурожаевъ, по весьма понятнымъ причинамъ, въ новороссийскомъ краѣ и Малороссіи скотъ бываетъ чрезвычайно дешевъ; жители сѣверной части Черниговской губерніи и юго-восточной Минской, занимающіеся земледѣльческими предпріятіями, имютъ много винокуренъ, на которыхъ, откормивъ дешево купленный по случаю неурожая скотъ, съ значительнымъ барышемъ продаютъ его послѣ въ Петербургъ. Сирашаются: многіе ли изъ поименованныхъ земледѣльцевъ не желаютъ неурожая въ Малороссіи и новороссийскомъ краѣ?—Основывается общество на акціяхъ. Два, три капиталиста-основателя, значительную долю акцій оставили за собою, остальную распродали. Предпріятіе идетъ успешно, притомъ не ходъ пущена реклама, первоначальная цѣна на акціи отъ запроса поднялась; капиталисты — основатели не имиогу распродать и акціи, которыя у нихъ остались, но уже по цѣнамъ значительно возвысились, и тѣмъ приобрѣтаютъ значительный барышъ. Можноли назвать

барышъ этотъ нравственнымъ, даже законнымъ? Если бы капиталисты — основатели и вздумали оправдываться тѣмъ, что-де они сами себя вознаграждають за труды, поднятые по основанію предпріятія, то можно ли допустить это оправданіе? Да вѣдь и цекій мандаринъ въ Китай, взявши взятку, оправдывается тѣмъже. Онь вѣдь, по случаю недостаточности жалованья, самъ себя *обезпечиваетъ*.

Вся сбавчивость и истинность понятий о противорѣчіи или согласіи между началами нравственности и явлениями промышленности происходятъ главнымъ образомъ отъ истинности понятий о самой нравственности. Подъ именемъ нравственности надо понимать — въ первыхъ словокупности началъ и правиль, опредѣляющихъ образъ существованія и действияния человѣка, какъ существа нравственнаго, свободно разумнаго, обладающаго сознаніемъ и волю. По самой природѣ вещей, по закону непреложному и стоящему въз человѣческаго произвола, человѣкъ существуетъ, какъ недѣлъмое, по вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ общество. Если природа вещей нечестя о недѣлъмомъ, если защищаетъ его интересы, если поэтому *личный интересъ, этоизъ* — въ природѣ вещей, и совершенно законченъ, то съ другой стороны также природа вещей защищаетъ общество и нечестя о его сохраненіи. Можетъ ли быть противорѣчіе между этимъ двумя родами интересовъ, т. е. между интересами недѣлъмого и интересами общества? Самое поверхностное соображеніе достаточно для того, чтобы сказать, что такое противорѣчіе, по природѣ вещей, невозможно. Разумный законъ этогоизма можно выразить такъ: *Недѣлъмый человѣкъ долженъ заботиться о своемъ счастьѣ, но въ то же время необходимо должно заботиться о немъ, ибо его личное счастье необходимо для общества и наоборотъ, ибо его личное счастье не только собственно со счастіемъ*

другихъ людейъ, не непреложно и изъ знатчайшой степени зависитъ отъ счастія и благоостоянія другихъ людейъ. Такое понятіе нравственности есть понятіе обицарномъ смыслѣ, въ немъ заключается и понятіе точного права (*stricti juris*). Право опредѣляетъ взаимныя отношенія лицъ въ обществѣ; его значеніе и объемъ, почерпывается вопросомъ: что лицу слѣдуетъ отъ другихъ, и другимъ отъ лица? Ясно, что начало политической экономіи никакимъ образомъ не могутъ быть въ противорѣчіи съ началами права, потому что ее положенія заключаются въ себѣ *содержаніе* того, чего *форму* представляютъ положенія права. Но есть другое начало нравственности, но которому недѣлѣмый человѣкъ побуждается не только не парушать счастья другихъ, но даже для соблюденій этого счастія жертвовать собственнымъ своимъ счастьемъ. Никто, обладающій истиннымъ умомъ и хорошо изучившій человѣческую природу въ ея историческомъ проявленій, не станетъ отвергать возможности упомянутаго наслажденія отъ присенія въ жертву самого себя для любимыхъ лицъ, семейства, отечества, человѣчества, для идеи. *Bulce est pro patria mori!* Но тѣмъ не менѣе возможность даже такой жертвы предполагаетъ существованіе страданій, которыхъ надо смягтить и загладить, а слѣдовательно предполагаетъ ненормальное состояніе общества, въ кото-ромъ такія жертвы необходимы. Отсюда происходитъ и другая причина сбивчивости понятій о противорѣчіи между политической экономіей и началами нравственности. Такъ какъ политическая экономія и соціальная наука несбѣше должны заключать въ себѣ законы существованія человѣческихъ обществъ, то они необходи-мо должны изображать *идеалъ общества*. Новемьстное соблюденіе людьми законовъ, которые эти науки долж-

ны провозглашать, должно довести общество до состоянія нормального, и исключить страданія, а слѣдовательно исключить даже и возможность самоложертованія. Изъ сказанного ясно видно, что положенія политической экономіи прямо противорѣчны началамъ нравственности, въ этомъ тѣсномъ смыслѣ.

Промышленность, какъ дѣятельность человѣка, есть искусство, а политическая экономія есть наука. По природѣ человѣка, какъ существа свободно - разумшаго, искусство это можетъ совершаться или сообразно началамъ науки, или отступать отъ этихъ началь; и видно оно отъ нихъ отступаетъ, потому что въ человѣческихъ обществахъ есть страданія, терзанія, промышленные кризисы, пауперизмъ. Ясно видно, что промышленность расходится не только съ началами нравственности въ тѣсномъ смыслѣ, но и съ началами строгаго права. Отсюда проходитъ еще одинъ источникъ шаткости мнѣній экономистовъ о праведномъ противорѣчіи между началами нравственности и политической экономіей. Многіе изъ нихъ, вмѣсто того, чтобы видѣть въ наукѣ идеаль общественной жизни, дѣлаютъ ее только отраженіемъ или определеніемъ тенереннаго образа производства промышленности, забывая о томъ, что, если наука опредѣляется промышленностью, какъ законную человѣческую дѣятельность, именуя резултатомъ производство благъ, удовлетворяющихъ человѣческія потребности, то на практикѣ промышленность, есть по большей части *искусство приобрѣтать барышъ per fas et nefas*. Мысли, здесь высказанные, получать необходимое развитіе и полное доказательство при изложеніи теоріи народонаселенія, которую авторъ искогодящаго разсужденія предполагаетъ заняться въ испро должительномъ временіи.

Справедливъ ли учрекъ, даваемый политической эко-

номін въ томъ, будто бы она привлекаетъ слишкомъ внимание человѣка къ благамъ материальнymъ, дѣласть изъ этихъ благъ единственную цѣль его стремлений и уменьшаетъ его нравственное чувство?—И этотъ вопросъ еще появляется въ мірѣ! Политическая экономія есть наука о цѣнности. Еще Ж.-Б. Сэй доказалъ, что цѣнность, какъ качество вещей, не материальна; и съдовательно политическая экономія, занимаясь предметомъ нравственнымъ, не можетъ быть упрекаема въ материализмѣ. Притомъ, можетъ ли подлежать разсмотрѣнію политической экономіи такое общество, въ которомъ не развиты до высокой степени науки и искусства? Кажется, еще Шлецеръ сказалъ, что предметомъ статистики можетъ быть только государство, т. е. общество, стоящее на значительной ступени развитія, а статистика, родная сестра политической экономіи. Очевидно, дѣлающіе политической экономіи упрекъ въ материализмѣ не въ состояніи выразить своей мысли съ точностью; они вѣроятно хотѣли сказать, что политическая экономія занимается только земнымъ существованіемъ человѣка, и не трогаетъ его будущихъ, высшихъ судбъ, и въ томъ ее упрекаютъ. Упрекъ этотъ предполагаетъ мысль, что земная жизнь человѣчества не стоитъ вниманія, что желаніе счастья на землѣ незаконно. Но такихъ упрекателей лучше оставить въ покое, вмѣстѣ съ болзами, гелонгами и всякаго рода ламами.

И подумаешь, что такія сужденія, мнѣнія, упреки появляются въ наше время!...

Извѣстный экономистъ М. Шевалье (*Cours d'économie politique fait au collège de France. Bruxelles, 1851*) говоритъ, что политическая экономія должна преклоняться предъ некоторыми положеніями, данными ей извѣ-

и не составляющими предмета ся внутренняго, органическаго развитія, какъ *покорная служанка*, что эта наука не имѣть права изслѣдоватъ, истинны ли эти положенія или нетъ. И это говорится послѣ Бекона и Декарта! И что это за положенія? Почему ихъ нельзя анализировать? развѣ потому, что они не выдержатъ анализа? Въ такомъ случаѣ, почему предъ ними преклоняться? Если они дѣйствительно истинны, то анализъ выкажетъ это ихъ качество въ лучшемъ свѣтѣ.

Когда авторъ настоящей статьи предложитъ читателямъ свои изслѣдованія о теоріи народонаселенія, онъ укажетъ па многія мнѣнія по этому предмету экономическихъ авторитетовъ, источники и сблизившия. Напр. Л. Ребо, членъ института, до сихъ поръ смѣшивавшій *средства продовольствія съ средствами содержанія* (*Revue de deux mondes. 1855. 1. avril*)

Давно ли, на брюссельскомъ конгрессѣ объ интеллектуальной собственности, защитники собственности, и въ томъ числѣ знаменитый юристъ и экономистъ г. Воловскій, не только не признали правъ собственности артистической и литературной, но высказали самыя шаткія мнѣнія о собственности вообще, какъ видно изъ статьи, недавно напечатанной въ этомъ журналь — О брюссельскомъ конгрессѣ.

Если экономисты, люди специальные, погрѣшаютъ та-кою шаткостью мнѣній, такимъ противорѣчіемъ съ однажды принятymi началами, то удивительно ли послѣ этого, что какой-нибудь фабриканѣтъ, ложно понимая основанія политической экономіи и свой собственный интересъ, требуетъ напр. покровительственной пошлины на ввозъ желѣза или каменного угля? Удивительно ли, что предполагаемое недавно принцемъ Наполеономъ открытие пор-

твъ Алжирі для свободной торговли нало предъ какими-то темными вліяніями и розтаніями? Удивительно ли, что изъ неясного опасенія голодъ, французское правительство часто предпринимает мѣры относительнаго ввоза и вывоза хлѣба, стѣснительныя для земледѣльцевъ? Удивительно ли мнѣніе, что нравственность требуетъ бережливости и порядка, а интересы общества будто бы въ видахъ поощрения промышленности, требуютъ достаточности и мотивства? Удивительно ли, что это мнѣніе повторяется часто даже людьми, величайшими некотораго авторитета?

Удивительно ли, что въ прошломъ году архіепископъ бордосскій, кардиналъ Донне за одной изъ земледѣльческихъ сходокъ (comit e agricole) во Франціѣ, произнося похвалу труду, сказалъ между прочимъ: «Трудъ пріучаетъ человѣка къ честности и даетъ ему понятіе о справедливости потому, что изъ всѣхъ источниковъ собственности, трудъ есть самый ясный и самый законный.» Стало быть почтенный ирелатъ полагаетъ, что есть и другіе источники собственности, кроме труда, хотя не столь ясные и законные! Любопытно было бы знать, что это за источники.

Въ той же рѣчи, кардиналъ отдастъ превъзмущество труду земледѣльческому передъ прочими родами труда; Ind. belge 1858, 8 лѣт., № 281). Но повторяю: удивительно ли все это?

Не смотря однажды на все сказанное, въ наше время стремлениѣ рѣшить окончательно и раціонально не только экономическое, но и соціальные вопросы, и примѣнить это рѣшеніе къ жизни, однозначно соціальное и экономическое движение проявляется въ Европѣ. Къ нему труждась национальное общество для развитія соціальной науки въ Англіи, во Франції проектъ примѣненія сложной торговли въ Алжирѣ, вопросъ о торговлѣ хлѣбомъ и запасныхъ ма-

газинахъ, поднятый на некоторыхъ земледѣльческихъ сходкахъ и въ генеральныхъ совѣтахъ департаментовъ, въ Бельгії конгрессъ литературной и артистической собственности, хотя и неудачный, а также разсужденія о землемѣріи и обязательномъ образованіи, переданныя въ программу бельгійскаго министерства, сообщенну Палатамъ, въ Германії конгрессъ экономистовъ, — служать доказательствомъ этого движения.

Но, какъ уже было замѣчено, съ одной стороны сама наука еще несовершенно образовалась и установилась, съ другой стороны — ея положенія, сдѣлавшіяся уже точными истинами, известны только меньшинству; поэтому, проявляющіяся въ жизни общественной политico-экономической ученія — сбивчивы, неточны, странны. Не говоря уже о томъ, что очень немногіе имѣютъ вѣрныя понятія о цѣнности, труде, капиталѣ, значеніи машинъ, кредитѣ, — самая важная статья политической экономіи — теорія народонаселенія, даже для многихъ, такъ называемыхъ политico-экономическихъ авторитетовъ, составляетъ вопросъ далеко первышиный. Между тѣмъ, безъ решенія этого вопроса, нельзя и помышлять о разрѣшении, а тѣмъ болѣе о примѣненіи къ жизни, какой бы то ни было соціальной или экономической науки. Изследуйте какой угодно вопросъ политической экономіи, постарайтесь высечь изъ этого изслѣдованія все логіческія заключенія и попробуйте умственно приложить ваши заключенія къ практикѣ, и въсѣ необходимо придется встрѣтиться съ вопросомъ: какимъ образомъ предполагаемое, ясное экономическое улучшеніе относится къ умноженію народонаселенія? Постъ внимательнаго напр. и подробнаго изученія сочиненія Цвікковскаго о кредитѣ, вы получите ясное убѣжденіе въ томъ, что если примѣнить къ промышленности его положенія о кредитѣ, то масса богат-

ак
умноженіе
народонаселенія!

Если же хлебъ не употребляется въ продовольствии, то употребляется въ промышленности.

ства умножится въ огромныхъ размѣрахъ; но непремѣнно вы будете вынуждены сдѣлать себѣ вопросъ: не умножится ли народонаселеніе еще въ большей пропорціи, неожели та, въ которой въ этомъ случаѣ умножается средства содержанія?

Вліяніе неурожая или изобилія хлѣба на благосостояніе общественное, литературная и артистическая собственность, образованіе массъ—предметы столь важные, что я о нихъ намѣреваюсь разсуждать подробно. Это уже сдѣлано въ этомъ журнальѣ относительно литературной и артистической собственности,—теперь выскажу мое мнѣніе объ изобиліи хлѣба.

Вопросъ о слѣдствіяхъ неурожая или изобилія хлѣба былъ предметомъ разсужденій на землемѣрческой сходкѣ въ Фонтенъ-Франсезъ, въ Котдорскомъ департаментѣ, где баронъ Тенаръ разбиралъ его посуларно. (*Ind. belge 1858, 8 oct. № 281. Revue écon.*). Кажется, изобиліе сельскихъ продуктовъ промышленности, а особенно хлѣба должно бы быть только источникомъ общественнаго благосостоянія. Кажется должно бы быть такъ, что чѣмъ больше предметовъ, служащихъ для удовлетворенія необходимѣйшихъ потребностей человека, ощущаемыхъ всей массой народонаселенія, такихъ предметовъ, малѣшее уменьшеніе количества которыхъ заставляетъ страдать огромныи массы народа, чѣмъ, говорю, большии такихъ предметовъ,—тѣмъ лучше.

Чѣмъ больше напр. производится въ государствѣ зерноваго хлѣба, тѣмъ лучше. Но на дѣлѣ выходитъ не такъ. Если неурожай хлѣба составляется бѣдствіе, ощущительное для всѣхъ, и такое явленіе, которому никто не отказывается въ признаніи качества бѣдствія, то не менѣе значительное бѣдствіе составляетъ изобиліе хлѣба. Но это явленіе столь странно, въ скажемъ просто, столь нелѣбо, что многіе экономисты не хотятъ его признать, не хотятъ согла-

ситься, что изобиліе хлѣба можетъ составить излишество (*surabondance*), и следовательно общественное бѣдствіе. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли быть излишество въ производствѣ какихъ-либо предметовъ, могущихъ удовлетворять потребности, а тѣмъ болѣе излишество въ производствѣ хлѣба? Вѣдь нельзѧ отрицать, что идеаль общества, *rium desiderium*, составляетъ такое его состояніе, при которомъ жилище, пища, одежда, образованіе подъ рукою большинства народа (если уже не всей его массы), а этого можно достигнуть только при изобиліи этихъ предметовъ и благъ. Какимъ же, образомъ, изобиліе предметовъ продовольствія можетъ составлять бѣдствіе? Отчего это изобиліе перерождается въ излишество? А что это случается дѣйствительно,—факты на лицо. Послушайте только барона Тенара, онъ вѣдь убѣдитъ въ этомъ. Добавимъ, что приведенные ниже мысли его по этому предмету составляютъ сущность мнѣнія всѣхъ землемѣрцевъ безъ исключения.

Одинъ ученый и имѣющій многихъ послѣдователей чоловѣкъ, бывши приказчикомъ одного торговаго дома въ Нантѣ, предметъ торговли котораго составлялъ зерновой хлѣбъ, былъ свидѣтелемъ, какъ домъ этотъ, по случаю изобилія хлѣба въ его магазинахъ, и следовательно възкихъ цѣнъ, долженъ былъ потерпѣть значительную потерю, и прибѣгнулъ для избѣженія этой потери къ героическому средству: онъ *бросилъ въ море* значительное количество своего товара, и это средство оказалось дѣйствительнымъ; вместо потери, домъ этотъ отъ продажи о资料ного количества хлѣба получилъ значительный барынь. Приказчикъ, о которомъ здѣсь говорится, видя это явленіе, навсегда бросилъ торговлю, и съ тѣхъ поръ сталъ заниматься между прочимъ и решеніемъ вопроса: *почему въ обществѣ изобиліе хлѣба составляетъ бѣдствіе?*

не бѣдствіе
а уже производящее
производительное
(и не уже не предъ)

Хлѣбъ производится промышленностью; его изобиліе, по природѣ вещей, не можетъ быть излишествомъ и составлять бѣдствія. Очевидно, промышленность производится на ложныхъ основаніяхъ. Тоже думаетъ и баронъ Тенаръ. Онъ говоритъ: «если неурожай хлѣба составляетъ огромное бѣдствіе, то и чрезмѣрное его изобиліе составляетъ другое бѣдствіе, не менѣе ужасное; оно влечетъ за собою почти одинаково дурный послѣдствія, потому что задерживаетъ промышленное движение. Когда цѣна на земледѣльческія произведенія подняется, производитель держитъ свой хлѣбъ въ амбарахъ и не продаѣтъ своего скота, но, отыщая недостатокъ въ деньгахъ, онъ не дѣлаетъ необходимыхъ улучшеній, съвсемъяетъ свое личное потребленіе, и не уплачиваетъ вполнѣ дохода землевладѣльцю. Землевладѣльцъ съ своей стороны, по необходимости стѣсняетъ свое личное потребленіе; отчего въ свою очередь страдаютъ мануфактурсты и ногоціанты, хотя за то они и ихъ работники покупаютъ хлѣбъ по низкой цѣнѣ. Съ всемъ тѣмъ, промышленное состояніе страны дѣлается все хуже и хуже, появляются новомѣстно: бѣдность, мануфактурный, коммерческий и финансовый кризисы, неудовольствіе, заговоры, преступленія и даже—революція.»

Но какимъ образомъ избѣжать этихъ несчастій? Пріѣхнуть ли къ устройству обширныхъ запасныхъ магазинъ, на счетъ правительства или отъ комицій, состоящихъ подъ покровительствомъ правительства? Но эта мѣра сопряжена съ огромными издержками, потерю процентовъ и значительной корчей хлѣба... Наконецъ, вмѣшательство въ это дѣло правительства, въ видѣ регламентаціи, не совсѣмъ желательно. Но въ бѣдственнаго годовъ 1853, 1855 и 1856, въ то время, когда земледѣльческая промышленность получала 75% свыше обыкно-

венной цѣны ея произведеній (стало быть бѣдствіенные годы были благодѣтельны для предпринимателей земледѣльческой промышленности?), рабочікъ, мелкій каштальщикъ, и мелкій чиновникъ страдали ужасно и кричали еще ужаснѣе. Тронутый этими страданіями, императоръ по-желалъ ихъ прекратить и издалъ постановленія, разрешающія безпошлиинный ввозъ заграничнаго хлѣба и запрещающія его вывозъ изъ Франціи, равно и употребленіе его на другой предметъ, кроме продовольствія (за денатурацію). Цѣны понизились, наступилъ 1858 годъ съ значительнымъ урожаемъ, —иностранный хлѣбъ все привозится и цѣны еще понижаются:

«Не смотря на все сказанное, во власти самыхъ земледѣльцевъ устранить бѣдствія, происходящія отъ неурожая хлѣба и отъ его излишства; пусть они поступаютъ совсѣмъ наоборотъ тому, какъ поступали до сего, пусть они, что приѣхѣ мануфактурѣстовъ, производятъ хлѣбъ въ большемъ количествѣ тогда, когда его мало и пусть уменьшаютъ свое производство во время изобилія; пусть оставятъ трехпольную систему, эту язву земледѣлія, пусть они двѣстѣсютъ другъ и другу и, тогда имъ не будетъ страшенья въ неурожай, на изобиліе хлѣба.»

Ясно, что баронъ Тенаръ того мнѣнія, что бѣдствія, отъ изобилія хлѣба происходящія, имѣютъ причину въ образѣ производства земледѣльческой промышленности. Подробный однакожъ разборъ этого явленія укажетъ намъ недостаточность изслѣдований барона Тенара и недѣйствительность средствъ, имъ предлагаемыхъ для устраненія бѣдствія. И потому особенное разбираю здесь мнѣніе его, что его сущность составляетъ такъ сказать типъ всѣхъ мнѣній по этому предмету экономистовъ и особенно предпринимателей земледѣльческой промыш-

ленности, желающих установления средних цен на хлѣбъ.

Всматрившись поближе и поприятельне въ образъ производства земледѣльческой промышленности, нельзя не замѣтить, что интересы всѣхъ работниковъ, въ томъ числѣ и мелкихъ, и даже крупныхъ чиновниковъ, капиталистовъ (tenants), мануфактуристовъ и купцовъ, прямо противоположны интересамъ предпринимателей земледѣльческой промышленности. Одни всегда желаютъ купить хлѣбъ по цѣнѣ какъ можно низшей, другіе, наоборотъ, стараются за него выручить какъ можно больше. Слѣдовательно первые желаютъ изобилия хлѣба, интересъ же послѣднихъ, чтобы его было какъ можно менѣе.

Теперь, самъ себою раздастся вопросъ, въ высшей степени интересный: такая противоположность интересовъ различныхъ промышленныхъ дѣятелей существуетъ ли по самой природѣ вещей, и слѣдовательно непреложна и незмѣнна,—или зависить отъ обстоятельствъ случайныхъ, состоящихъ во власти человека, и слѣдовательно болѣе или менѣе удобоизмѣнимыхъ? Эта противоположность интересовъ дѣйствительна или только минимая? Миръ кажется, что изложить вопросъ въ такомъ видѣ, значитъ его разрѣзть. Но послѣдуетъ за барономъ Тенаромъ.

Онъ, видѣ явныя бѣдствія, происходящія отъ изобилия хлѣба, исчисляетъ способы, которые были употребляемы, или только совѣтуемы для ихъ смягченія или устранинія, и, по моему мнѣнію, слишкомъ одрометично заключаетъ о ихъ недѣйствительности. Изъ того, что во Франціи вмѣшательство въ это дѣло власти, въ такой формѣ, въ какой оно тамъ проявилось въ прошлыхъ годахъ, было неудачно, онъ заключаетъ, что и всякое вмѣшательство власти, во всѣхъ возможныхъ способахъ его проявленія, не желательно. Сверхъ того, онъ самъ пред-

лагаетъ способъ смягченія вредныхъ послѣдствій отъ изобилия хлѣба, не рѣшивъ предварительно приведеннаго выше вопроса объ антагонизмѣ разнаго рода промышленныхъ дѣятелей; отъ этого его способы, собственно говоря, недѣйствительны. Именно они только паліативны, могутъ до извѣстной степени смягчить зло, но неспособны излечить его радикально. Упомянутая слегка обѣдствія отъ неурожая хлѣба (эти бѣдствія, хотя дѣйствительно существуютъ, и никѣмъ не отвергаются, но для земледѣльцевъ они составляютъ благополучіе, потому что увеличиваются ихъ барышъ), и умалчивая вовсе объ антагонизмѣ и противоположности интересовъ земледѣльцевъ и прочихъ классовъ, или своимъ молчаніемъ о предметѣ, бросающемся въ глаза, заставляя предполагать свое уображеніе въ томъ, что этотъ антагонизмъ до того въ природѣ вещей, что о немъ и говорить нѣчего, онъ ограничивается совѣтомъ земледѣльцамъ: *предпринимать мѣры для того, чтобы принудить прочие классы платить имъ за хлѣбъ такую цѣну, которая соотвѣтствовала бы ихъ интересамъ*. Мѣры эти состоятъ въ томъ, чтобы, согласившись предварительно (согласно и дружно), производить хлѣбъ въ такомъ количествѣ, чтобы его цѣна (зависящая, какъ известно, отъ отношенія между его предложеніемъ и требованіемъ) была выгодною для земледѣльцевъ. То есть, другими словами: земледѣльцы, по совѣту барона Тенара, должны составить союзъ, лигу, заговоръ противъ интересовъ прочихъ классовъ. Но допустивъ, что земледѣльцамъ, напр. французскимъ, и возможно будетъ составить такой заговоръ, все же для достиженія ихъ цѣли онъ будетъ недостаточенъ: имъ придется непремѣнно, подъ страхомъ неудачи, вовлечь въ этотъ заговоръ и земледѣльцевъ другихъ странъ, потому что въ случаѣ значительного повышенія цѣнъ на хлѣбъ *

во Франции, правительство разрешить неизменно беспошлиный его ввозъ из-за границы.

Здесь нельзя не остановиться для того, чтобы замѣтить, куда можетъ здѣсь разсужденіе самое благонамѣренное, но неоснованное на изслѣдованіи начать вопроса.

Какъ! Для избѣжанія *благовѣдія*, проходящаго отъ *изобилия хлѣба*, Тенаръ советуетъ земледѣльцамъ Франции составить *законодательство* противу интересовъ и кармановъ пропахъ своихъ согражданъ!

Чтобы по возможности решить этотъ вопросъ, основываясь на его началахъ, и сдѣлать изъ этого решения логическія выводы, необходимо изслѣдоватъ причину антагонизма и претензійности интересовъ между земледѣльцами и прочими промышленными дѣятелями, — надо решить предварительно вопросъ: антагонизмъ этотъ основанъ ли на природѣ вещей или нетъ? Но для решения этого вопроса наѣтъ необходимо прибѣгнуть къ изысканію некоторыхъ элементарныхъ началъ науки, которыя, хотя и элементарны, по тѣмъ не менѣе не общеизвестны.

Ни одинъ родъ промышленности не создаетъ *матеріи*, и всякий изъ нихъ только матеріи уже существующей сообщаетъ возможность удовлетворять человѣческимъ потребностямъ. Качество предмета, по которому онъ можетъ удовлетворять человѣческимъ потребностямъ, известное человѣку, по которому разсудокъ проноситъ приговоръ, — называется — *полезностью*. Качество же предмета, по которому онъ на самомъ дѣлѣ удовлетворяетъ потребности человѣка, называется — *цѣнностью*. Примѣръ: чай пражде, чѣмъ голландцы ввели его въ употребленіе въ Европѣ, былъ вовсе *безполезенъ*. Чай, вѣ *настоящее время* собранный въ Китаѣ, известнымъ образомъ приготовленный и закупоренный въ цибики, — *полезенъ*; по доколѣ онъ въ Кяхти или Кантонѣ, для европейцевъ онъ — *безцѣненъ*. Зерновой

хлѣбъ, произведенный въ количествѣ, превышающемъ настояще и мѣстное его потребленіе, равнымъ образомъ *безцѣненъ*. Какъ же относятся между собою эти два качества предметовъ: полезность и цѣнность? Полезность различна ли совершение отъ цѣнности, или онъ составляютъ только два вида одного и того же качества? Мы знаемъ значеніе слова — *цѣнны*, чѣмъ значить слово — *безцѣнны*?

Явно, что предметъ вовсе безполезный не можетъ быть цѣннымъ. Надо однако же замѣтить, что о полезности и цѣнности предметовъ рѣшаетъ индивидуальное сознаніе всякаго человѣка; поэтому можетъ случиться, что некоторые предметы, со сплошью безполезные въ глазахъ разсудка и здраваго смысла имаютъ значительную цѣнность; напр. фетини, амулеты, и т. д. Но, собственно говоря, это обстоятельство не можетъ уничтожить темы, что предметъ безполезный имѣть и безцѣненъ, потому что фетинъ или амулетъ во мнѣніи массы людей можетъ удовлетворяться потребностямъ, и на этомъ основаніи почитается полезнымъ, и по тому только и цѣненъ, что почитается полезнымъ; здѣсь очевидно, истинная или предполагаемая полезность предмета дается основаніемъ его цѣнности. Притомъ же о зерновомъ хлѣбѣ даже и того сказать нельзя, что онъ полезенъ только минимо: истинная его полезность, какъ въ глазахъ разсудка и здраваго смысла, такъ и передъ всеобщимъ человѣческимъ сознаніемъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Итакъ съдовательно качества полезности и цѣнности тождественны, или по крайней мѣрѣ — полезность заключаетъ въ себѣ и цѣнность, но только въ иныхъ случаяхъ; въ другихъ же случаяхъ полезность можетъ не заключать въ себѣ цѣнности. Когда же это бываетъ? когда предметъ полезный можетъ быть, нецѣннымъ?

нормально ли такое состояніе предмета? Безусловно безцѣннымъ предметъ полезный можетъ быть или въ такомъ случаѣ, когда никакими усилиями нельзя побѣдить его отдаленности отъ потребности, когда полезности, заключающейся въ предметѣ, никакимъ образомъ нельзя приблизить къ потребности, которой она можетъ удовлетворять; но мѣрѣ того, какъ побѣда эта дѣлается легче, предметъ дѣлается цѣннѣе.

Если бы не было никакой дороги въ Китай, чай, хотя и полезный, былъ бы въ Европѣ нецѣннымъ. Изящное и комфортабельное жилище, экипажи, изящная и дорогая одежда, артистическая удовольствія, образованіе, хотя очевидно полезны, но для большинства людей беззапасы, потому что эти люди никакимъ образомъ не въ состояніи сблизить полезности, заключающейся въ приведенныхъ благахъ и предметахъ—съ своими потребностями. Состояніе ихъ дохода неотразимо противится этому. Приведенные блага и предметы находятся въ такомъ отношеніи къ массѣ людей, въ какомъ находился бы къ европейцамъ чай, еслибы дорога въ Китай вовсе не существовала. Въ этомъ случаѣ безцѣнность предмета равнозначуща съ его цѣною безконечно - великой. Цѣна полезного предмета равна количеству безконечно велико-му. Но бываетъ и другой родъ безцѣнности предмета полезного — когда цѣна его стремится приблизиться къ нулю. Къ этому роду безцѣнности предмета полезного относится пониженіе цѣны зерноваго хлѣба, происходящее отъ его изобилія.

При теперешнемъ образѣ производства промышленности цѣна всякаго полезного предмета опредѣляется на рынке отношеніемъ между предложеніемъ этого предмета и запросомъ, который на него существуетъ. Запросъ же на предметъ, въ свою очередь, зависитъ отъ полезности его,

отъ количества потребителей, и отъ большей или меньшей возможности ихъ удовлетворять своимъ потребностямъ, то есть—отъ количества и качества потребителей. Качество потребителя (т. е. качество настоящаго полезного члена общества) человѣкъ получаетъ отъ количества получаемаго имъ дохода.

Неудивительно, если какой-нибудь предметъ не представляетъ выгоднаго сбыта потому, что издержки на его производство по ихъ количеству несособраны той пользѣ, которую можетъ принести предметъ, или что потребность въ предметѣ была скоропреходяща и исчезла, напр. предметъ моды; въ этомъ случаѣ безцѣнность предмета совпадаетъ съ его бесполезностью. Но пониженіе цѣни на хлѣбъ въ слѣдствіе его изобилія, и происходящія отъ этого бѣдствія заставляютъ призадуматься. Если хлѣбъ произведенъ ст. употреблениемъ издержекъ, сумма которыхъ выше пользы, имѣетъ пропорцій, т. е. если техническая часть его производства дурна, то это обстоятельство не можетъ быть до того новоиспѣчено, чтобы составлять кризисъ, и ему носить не трудно. Но хлѣбъ произведенъ въ изобиліи, и съ технической стороны безуокоризненно, а цѣна его упала ниже уровня издержекъ производства, именно отъ его изобилія, и это паденіе цѣны причинило бѣдствіе.

Только что сказано было, что доходъ и его количество есть одно изъ важныхъ обстоятельствъ, имѣющихъ влияніе на сбытъ и цѣну всякаго произведенія промышленности, въ томъ числѣ и зерноваго хлѣба,—отъ чего же зависитъ количество дохода? Въ теперешнемъ образѣ производства промышленности, какъ всякой промышленной дѣятельности (читай: всякой человѣкъ—членъ общества), такъ и земледѣльца, для того, чтобы имѣть возможность жить, чтобы быть потребителемъ, следовательно имѣть качество

человѣка—члена общества , долженъ получать доходъ. Доходъ этотъ образуется изъ остатка цѣнности, имъ произведенной, за исключеніемъ частей другихъ лицъ, участвовавшихъ въ производствѣ этой цѣнности. Земледѣлецъ получаетъ этотъ доходъ изъ цѣны хлѣба, за уплатою землевладѣльцу, работникамъ, вычетомъ процентовъ за капиталъ и т. и. Очевидно: во 1-хъ, что доходъ его будетъ больше или меныше или а) въмѣръ уменьшениія или увеличенія издержекъ на производство хлѣба, т. е. по мѣрѣ того , какъ онъ заплатитъ больше или меныше работникамъ, землевладѣльцу и пр. б) по мѣрѣ усовершенствованія способовъ производства. (Надо однако замѣтить, что къ этимъ усовершенствованіямъ способовъ производства никакъ нельзя отнести упоминаемаго некоторыми экономистами усвоенія даровыхъ силъ природы: въ нашихъ обществахъ, все силы природы подчинены землевладѣльцамъ, и если бы предприниматель земледѣльческой промышленности и усилилъ улучшить этимъ способомъ свое производство, то при содѣйствіи конкуренція арендная плата , которую онъ должнаѣтъ будть вѣсѣть , непременно поглотить весь его барышъ, происходящій изъ этого источника); в) по мѣрѣ большей или менышей цѣны, которую онъ получитъ за хлѣбъ отъ его потребителей. Очевидно во 2-хъ, что прямой интересъ земледѣльца состоить въ томъ, чтобы, при возможномъ уменьшениі издержекъ на производство хлѣба, получить какъ можно большую цѣну отъ его потребителей, и съдовательно интересъ его—принудить потребителей хлѣба къ уплатѣ такой, возможно великой цѣны, всѣми средствами, даже уменьшениемъ количества производимаго хлѣба (свѣтъ г-на Тенара.)

Съ другой стороны очевидно, что интересъ потребителей хлѣба (читай: всѣхъ членовъ общества), такъ какъ

и потребителей всякаго промышленнаго продукта, состоять въ томъ, чтобы приобрѣсть его какъ можно дешевле, потому что издержки на потребленіе хлѣба составляются для его потребителей (они же и производители другихъ промышленныхъ продуктовъ) издержки производства; а отъ уменьшениія этихъ издержекъ увеличивается ихъ доходъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивается ихъ значеніе въ качествѣ членовъ общества.

Приведенные выше мѣры французскаго правительства (какъ и всякая однородныя правительственные мѣры) ключились къ тому, чтобы принудить предпринимателей земледѣльческой промышленности понизить цѣны на зерновой хлѣбъ, въ пользу прочихъ классовъ народа. Съдовательно употребленіе этихъ мѣръ предполагаетъ со стороны французской правительства увѣжденіе, что противоположность интересовъ между предпринимателями земледѣльческой промышленности и другими классами существуетъ въ природѣ вещей, что она непреложна, неизмѣнна, *ineluctabilis*; и доказываетъ , что правительство это признало за благо въ этомъ случаѣ—уравновѣсить распределеніе дохода (читай: собственности) между различными классами промышленныхъ дѣятелей. А сколько было крику и гоненій на соціалістовъ и коммунистовъ, которымъ приписывали подобныя попытки! Советы же, подаваемые барономъ Тенаромъ французскимъ земледѣльцамъ, клонятся къ тому, чтобы дать симъ послѣднимъ средства уклоняться отъ предполагаемаго французскимъ правительствомъ уменьшениія ихъ дохода въ пользу другихъ классовъ, и принудить эти послѣдніе платить земледѣльцамъ за хлѣбъ ту , а не другую, сопротивную земледѣльческимъ ихъ интересамъ , цѣну за хлѣбъ. А съдовательно и баронъ Тенаръ полагаетъ, что antagonismъ, противоположность интересовъ промышлен-

ныхъ дѣятелей (читай: всѣхъ членовъ общества между собою) есть законъ непреложный.

Но еще разъ спрашиваемъ, можно ли согласиться съ этимъ мнѣніемъ, которое составляетъ сущность ученія Гоббеса? Что жъ это будетъ за общество, члены которого находятся въ постоянной непримиримой, фатальной борьбѣ интересовъ цѣлей и стремлений, борьбѣ, изъ которой нѣтъ исхода?...

Уже самое простое изложеніе предложенія, что изобилие хлѣба составляетъ общественное бѣдствіе, и что следовательно для избѣжанія этого бѣдствія надо ограничить производство хлѣба (совѣтъ барона Тенара) указываетъ на существенный недостатокъ политico-экономического разсужденія о промышленности, потому что результатъ этого разсужденія—нельзя. Въ геометріи, если при доказательствѣ какого-нибудь предложенія, сдѣлается предположеніе, и послѣ ряда правильныхъ и логическихъ разсужденій, выведутся логическія посльствія, и въ результате окажется нельзя или невозможность, обыкновенно и—основательно—заключается, что сдѣланное предложеніе—нельзя. Логика и аналогія частоятельно новелльваютъ сдѣлать тоже и въ политической экономіи. Въ разбираемомъ здѣсь экономическомъ случаѣ дѣлается следующее предположеніе: промышленность должна производиться такимъ образомъ, чтобы земледѣльцъ получалъ награду за его участіе въ производствѣ хлѣба въ видѣ дохода, т. е. излишка, который онъ получитъ отъ продажи своего продукта прочною промышленнымъ дѣятелямъ, за исключениемъ изъ цѣны продукта издержекъ на его производство. Логическая заключенія, прямо пристекающія пзъ этого предложенія, суть следующія: 1) необходимо, чтобы земледѣльцъ представилъ свое произведеніе на рынокъ, чтобы тамъ непременно открылась

борьба между его интересами и интересами другихъ промышленныхъ дѣятелей. 2) Интересъ всѣхъ земледѣльцевъ въ совокупности (а не одного-какого нибудь земледѣльца) состоять въ томъ, чтобы производить хлѣба, какъ можно меньше. (Нужно ли говорить, что производить хлѣбъ значитъ вывести его на рынокъ?). 3) Изобилие хлѣба на рынке составляетъ поэтому для совокупности земледѣльцевъ бѣдствіе; потому, что цѣна хлѣба на рынке тѣмъ больше, чѣмъ при равенствѣ запроса менѣе количество предложенія хлѣба, а отъ величины цѣны хлѣба зависитъ количество дохода земледѣльцевъ. 4) Страданія, происходящія отъ изобилия хлѣба на рынке и претерпываемыя земледѣльцами, необходимо и непременно распространяются и на ироюе классы народа, и следовательно надо заключить, что изобилие хлѣба есть общественное бѣдствіе, —что есть явная нельзя. Итакъ изъ сдѣланного предложенія и ряда логически правильныхъ умозаключеній, логически пристекающихъ изъ этого предложенія, вышла нельзя; потому необходимо надо заключить, что предложеніе нельзя, или логика—и логика.

Чтобы доказать, что мѣры, совѣтуемые барономъ Тенаромъ, только налліативны, и что дѣйствительно интересы земледѣльцевъ, но природѣ вещей, не противоположны интересамъ прочихъ промышленныхъ дѣятелей, довольно употребить другую методу, употребительную тоже въ математикѣ, и довести его предложеніе до возможной крайности. Еслибы все безъ избытка предприниматели земледѣльческой промышленности устали продать произведеній ими хлѣбъ *самостоятельно*, т. е. такъ, чтобы въ цѣнѣ этого хлѣба заключались доходы всѣхъ прочихъ предпринимателей промышленности,—будетъ ли земледѣльцамъ отъ этого польза? Ясно только одно, что

въ этомъ случаѣ всѣ члены общества, за исключениемъ земледѣльцевъ, будуть стерты съ лица земли, а какое послѣ этого будетъ состояніе самихъ земледѣльцевъ?—Но, не прибѣгая къ такому доказанію разсужденія до исклѣдней крайности, предположимъ, что предприниматели земледѣльческой промышленности исчерпали не весь доходъ прочихъ промышленныхъ дѣятелей, а только значительную часть его; все-таки очевидно, что прямымъ слѣдствіемъ этого явленія будетъ другое: всѣ промышленные дѣятели вынуждены будутъ прибегать къ способамъ продать какъ можно дороже свои промышленныя услуги и предметы своего производства, а стало быть уменьшить *ихъ количества*. Ясно, что въ этомъ случаѣ земледѣльцы въ свою очередь будутъ вынуждены уменьшить количество производства хлѣба; и такъ до безконечности. Одни только *работники* не будутъ въ состояніи слѣдоватъ за обществомъ въ этомъ его разнообразномъ *course au clocher*, не въ состояніи будутъ уменьшить предложения своихъ производительныхъ услугъ. Чтобы слѣдоватъ въ этомъ отношеніи за обществомъ, работникамъ остается—или *вымирать*, или *не родиться*, т. е. не размножаться,—что имъ и совѣтуетъ *Мадленъ* совершенно логически. Нѣчего и говорить, какія бывають послѣдствія изъ этой послѣдовательности разъ принятому началу: мы ихъ видѣли и видимъ. Должно-ли еще добавлять, что все здѣсь сказанное о земледѣльцахъ можетъ быть равномѣрно применено и къ отношеніямъ всѣхъ предпринимателей промышленности и къ остальному членамъ общества?—Итакъ противоположность интересовъ между разными промышленными дѣятелями, т. е. между всѣми членами общества только мимая, не существуетъ по природѣ вещей, не непреложна, и зависить единственно отъ обстоятельствъ, состоящихъ во власти человѣка, и какъ

бѣдствія отъ изобилія хлѣба проис текаютъ не изъ другаго источника, какъ изъ этой видимой, но существенно удобопознанной противоположности интересовъ, то и совѣтнее и радикальное уничтоженіе этихъ бѣдствій во власти человѣка. Слѣдовательно и мѣры, предпринимаемые въ этомъ отношеніи французскимъ правительст вомъ, и мѣры, совѣтываемыя барономъ Тенаромъ, какъ не касающіяся сущности предмета, а только направленія ко временному смягченію симптомовъ общественнаго недуга, недѣйствительны, потому что не могутъ излечить этого недуга радикально, не истребивъ его первой и единственной причины. И дѣйствительно, если французское правительство доведетъ послѣдствія мѣръ, имъ предпринятыхъ, до крайности, то очевидно оно доведетъ классъ земледѣльцевъ до разоренія. И теперь цѣлая хлѣбна Франція приближается съ ужасающимъ скоростью до уровня издержекъ на сго производство. Тоже будетъ въ обратномъ направленіи, если земледѣльцы, послѣдовавъ совѣтамъ барона Тенара, успѣютъ довести до крайности логіческія ихъ послѣдствія.—Пусть намъ здѣсь не возражаютъ на основаніи жалкаго начала: истина въ серединѣ, что уравновѣніе дѣйствія мѣръ французского правительства и мѣръ, совѣтываемыхъ барономъ Тенаромъ, произведетъ въ промышленности желанное состояніе, именно среднюю цену на хлѣбъ. Во первыхъ оныть доказываютъ противное; а во вторыхъ, очевидно, что мѣры французского правительства не имаютъ предметомъ истребить настоящую причину бѣдствія отъ неурожая (хотя повидимому направлены противу слѣдствій этого бѣдствія), а ихъ назначение состоять только въ томъ, чтобы препятствовать *французскимъ земледѣльцамъ продавать хлѣбъ по выгодной для нихъ ценѣ*. Мѣры эти направлены не противу *принципамъ бѣдствія*, а только *противу интересовъ*

земледельцев: онъ клонится только къ тому, чтобы увеличить массу хлѣба, тогда какъ земледѣльцы имѣютъ интересъ, чтобы эта масса была какъ можно менѣе.

Мѣры эти тогдабы только могли бытъ успѣши, еслибы, учитоясая недостатокъ хлѣба, вмѣстѣ съ избыткомъ и уничтожили то состояніе, по которому земледѣльцы имѣютъ неотразимый интересъ (*intérêt majeur*) въ томъ, чтобы хлѣба было на рынкеъ мало. Какъ ошѣть показываеть, что если недостатокъ хлѣба есть бѣдствіе, то и его изобиліе есть другое, не менѣе великое общественное бѣдствіе, то, собственно говоря, мѣры французского правительства, здесь приведенные, имѣютъ результатомъ на мѣсто одного бѣдствія поставить другое. Еще разъ повторяемъ: эти мѣры направлены собственно не противъ общественного бѣдствія, но противъ интереса земледѣльцевъ. Весь вопросъ въ этомъ дѣлѣ состоитъ въ томъ, чтобы решить: отчего интересъ земледѣльцевъ противенъ интересу общества? Кто ихъ поставилъ въ такое, противуестественное положеніе? Съ другой стороны, мѣры, которыхъ, по совѣту барона Тенара, должны бы бытъ предпринимаемы французскими земледѣльцами, имѣютъ тотъ же характеръ, только въ противоположномъ направленіи. Онъ вводятъ въ общество одно бѣдствіе на мѣсто другаго: онъ направлены, собственно говоря, не противъ бѣдствія, а противъ интересовъ про-чихъ классовъ, за исключеніемъ земледѣльцевъ. Мѣры эти не имѣютъ цѣлью уничтожить бѣдствіе, происходящее отъ изобилія хлѣба, уничтоживъ его причину, а только отразить, уничтожить или смягчить вредъ, причиненный мѣрами правительства земледѣльческимъ интересамъ. Мѣры эти тогда бы только могли бытъ успѣши, еслибы могли поставить французскихъ земледѣльцевъ въ такое положеніе, чтобы изобиліе хлѣба не было для нихъ бѣдстві-

емъ, чтобы интересы ихъ не были діаметрально противоположны интересамъ общества.

Очевидно, что, если допустить одновременное дѣйствіе мѣръ французского правительства и тѣхъ, которыхъ употребленіе баронъ Тенаръ совѣтуетъ французскимъ земледѣльцамъ, то онъ, взаимно другъ другу противодѣйствуя, будутъ взаимно уничтожаться, и доколѣ будутъ такимъ образомъ взаимно уравновѣшивать свое вліяніе, не произведутъ на общественное бѣдствіе, происходящее отъ недостатка или изобилія хлѣба, ни малѣйшаго вліянія. Какъ же скоро одно какоенибудь изъ этихъ двухъ вліяній пересилитъ и уничтожитъ другое, сму противоположное, то вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожается, правда, и симптомы недуга, противу которыхъ оно направлено, но—необходимо и неизмѣнно появятся симптомы другаго недуга, который съ собою введетъ въ общество вліяніе, одержавшее верхъ. Если будутъ преобладать дѣйствія правительства, то не будетъ недостатка хлѣба, но будутъ страдать земледѣльцы; еслиже одержать верхъ мѣры, совѣтываемы барономъ Тенаромъ, то земледѣльцы выигрываютъ, симптомы бѣдствія, происходящаго отъ изобилія хлѣба, прекратятся, но—на ихъ мѣсто появятся другія, происходящія отъ его недостатка.

Чтобы исчерпать этотъ предметъ, надо повторить то, что о немъ сказалъ еще Ж.-Б. Сэй. Имѣни онъ говорить, что если есть застой въ сбыте какого-либо промышленного продукта, то застой этотъ происходитъ не отъ излишка производства, но—отъ его недостаточности. И дѣйствительно, почему напр. цѣна на зерновой хлѣбъ опутилась до, или даже ниже уровня издержекъ производства? Очевидно отъ того, что пѣть на этотъ хлѣбъ довольноаго числа потребителей; т. е. что пѣть доволь-

наго числа производителей другихъ промышленныхъ про-
дуктовъ, за производство которыхъ они бы получили до-
ходъ и на этотъ доходъ купили бы хлѣбъ; или приобрѣ-
(что выражаетъ собою все это вмѣстѣ) вымѣнили бы
свои продукты на хлѣбъ. Это предложеніе въ особенности
примыкaетъ къ зерновому хлѣбу, потому что нельзя
допустить, чтобы предметъ стола, полезный быть ли-
шь всякой цѣнности, т. е. чтобы эта его полезность
никогда не могла удовлетворить соответствующей по-
требности. Надо только допустить, что произведеній хлѣбъ
такъ удалень по мѣсту или по времени отъ по-
требности, что составляетъ излишество производства и
потому безцѣнъ. Этому обстоятельству можно пособить
или улучшеніемъ путей сообщенія, т. е. уменьшеніемъ
издержекъ на сближеніе полезности хлѣба съ потребно-
стями настоящими, или видоизмѣненіями хлѣба, которыи
могли бы его сблизить съ потребителями въ будущнос-
ти, напр. (да проститъ мнѣ баронъ Тенаръ) сохраненіемъ
его въ запасныхъ магазинахъ, или требленіемъ на вскор-
меніе скота, водоизмѣненіемъ его въ альгоголь, и т. д.,
однимъ словомъ примѣненіемъ къ хлѣбу кредита. Язво
однако, что и эти средства только палліативны. Баронъ
Тенаръ советуетъ смягчать послѣдствія бѣдствій, про-
исходящихъ отъ изобилия хлѣба уменьшеніемъ его
производства сообразно отъ начальному числу потреб-
ителей, предлагаемая же мѣры имѣютъ въ виду
увеличить число потребителей сообразно количеству
произведенія хлѣба. Но очевидно, что я эти мѣры,
употребленіе которыхъ можно бы вывести изъ сообра-
женій Ж.-Б. Сая, имѣютъ только палліативное свойство.
Ихъ употребленіе не измѣнитъ никакъ состоянія, по
которому интересы земледѣльцевъ противоположны ин-

тересамъ общества. Противоположность эта и присте-
кающей изъ нея антагонизмъ останутся во всей силѣ.
Мѣры эти не только не въ состояніи уничтожить при-
чины общественного недуга, но онъ даже не могутъ
уничтожить вполнѣ и его симптомовъ. Симптомы зла,
въ началѣ употребленія этихъ мѣръ ограниченны, толь-
ко въ послѣдствіи растянутся въ пространствѣ и вре-
мени, и тѣмъ конечно уменьшатся, но не исчезнутъ. Замѣ-
тимъ еще, что создать настоящихъ потребителей по-
такъ легко, какъ кажется: народонаселеніе, пожалуй,
увеличится въ количествѣ, но будетъ ли оно имѣть ка-
чество потребителей, т. е. будетъ-ли въ состояніи
производить промышленные продукты такъ удачно, что-
бы отъ этого производства получить доходъ?.... Однимъ
словомъ, такъ какъ всѣ мѣры, употребленіе которыхъ мож-
но бы вывести изъ приведенныхъ соображеній Ж. Б. Сэя,
сводятся на предложеніе: *употребить кредитъ*, то надо
себя спросить: какимъ образомъ предполагаемое упо-
требленіе кредита и слѣдствія, которыхъ произойдутъ
изъ этого употребленія, отнесутся къ умноженію наро-
донаселенія?... Вопросъ, который окончательно можетъ
быть решенъ только при изслѣдованіи теоріи народона-
селенія; здѣсь же, во избѣжаніе повтореній, считаю не-
обходиимымъ сказать, что сущность кредита я старался
изложить въ статьѣ подъ заглавіемъ *Капиталъ и кре-
дитъ*, напечатанной въ С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ
1858 года.

Сдѣлаемъ краткій и сжатый обзоръ сказаннаго. Изобиліе хлѣба произвело общественное бѣдствіе; начинается примѣненіе мѣръ, въ родѣ тѣхъ, которыя употреблять совѣтуетъ баронъ Тенаръ. Предположимъ, что всѣ французскіе земледѣльцы *дружно* и *совокупно* стакнулись

между собою, и что ихъ стачка имѣть успѣхъ. Цѣны на хлѣбъ возвысились, земледѣльцы получаютъ барыши огромные, но прочіе классы страдаютъ, что вызываетъ вмѣшательство и мѣры правительства, противодѣйствующія стачкѣ земледѣльцевъ. И эти мѣры, въ свою очредь, оказываются дѣйствительными, цѣны постоянно понижаются и понижение это доходитъ до крайности, и онять реакція со стороны земледѣльцевъ (буде она возможна)... и онять тоже и тоже.... Но это ли исторія человѣческихъ обществъ?.... А настоящая причина зла не тронута, она продолжаетъ существовать, и, разумѣется, какъ всякая причина, поражаетъ слѣдствія. Если на мѣсто мѣръ, сопутствующихъ барономъ Тенаромъ, привлечь тѣ, обѣ употребленіи которыхъ слѣдуетъ заключить изъ соображеній Ж. Б. Сэя, то критика наша не изменится, за исключеніемъ развѣ того, что мѣры эти не столь скоро и не столь рѣшительно могутъ дѣйствовать, какъ мѣры, предложенные барономъ Тенаромъ. Если подумать, что все сказанное здѣсь о производствѣ хлѣба можно точь въ точь применить къ производству всей промышленности вообще, во всемъ ея объемѣ и всемъ ея разнообразіи, то удивительно ли, что земля наша, на которой производится эта промышленность, называется — юдолью плача?....

Надо еще замѣтить, что существовавшая недавно въ Великобританіи хлѣбные законы соответствовали мѣрамъ, предлагаемымъ барономъ Тенаромъ, а реформа, произведенная въ этихъ законахъ Р. Палемъ и Кобденомъ, — мѣрамъ французского правительства, о которыхъ мы только что говорили.

Разбирая предметъ столь важный, какъ причины бѣдствій отъ изобилия хлѣба, и бывъ принужденъ силою

логики сдѣлать приведенное выше заключеніе, я старался пользоваться совѣтомъ со всѣхъ сторонъ. Собирая по этому предмету миѳія вездѣ, где ихъ можно было найти, я былъ обрадованъ, прочитавъ въ Экономическомъ указателѣ (№ 79, выпускъ 27, 1858 г.) статью подъ заглавіемъ: *Нонулярнія размѣщенія изъ областей политической экономіи*. Я увидѣлъ возможность доводами этой статьи, где также излагается вопросъ о бѣдствіяхъ отъ изобилия хлѣба, подкрѣпить свою доводы и воззрѣнія. Хотя я совершенно и безусловно согласенъ съ окончательными выводами автора приведенной статьи, но однако для того, чтобы отъ недоразумѣнія не могло между нами произойти никакаго несогласія, и чтобы отъ этого не затмилась истинна, я считаю необходимымъ уяснить изъкоторые пункты нашихъ разсужденій. Именно, во первыхъ, въ приведенной статьѣ недоказано миѳіе автора о существованіи бѣдствія отъ изобилия хлѣба; можно бы заключить, что почтенній авторъ отвергаетъ существованіе этого бѣдствія. Мое мнѣніе по этому предмету то, что бѣдствіе отъ изобилия хлѣба есть неизвѣстность, она не должна существовать по природѣ вещей, но теперь существуетъ для человѣка въ слѣдствіе причинъ вышеприведенныхъ. Всѣ почтенній авторъ статьи отвергаютъ самое существованіе въ обществѣ бѣдствія отъ изобилия хлѣба, то вопросъ, какъ теперь занимаяющій, сдѣлается неожиданъ на пренѣ, близкія во времѧ оно во Франції по заводу знаменитыхъ предложений Янссена и булы Unigenitus, при которыхъ предложеніе Янссена требовали отъ всякаго предварительнаго признания существованія знаменитыхъ иронозицъ, которыхъ обсуждались. Я нахожусь въ необходимости настаивать на признаніи предложенія, что теперь въ человѣческомъ обществѣ

вах изобилие хлѣба дѣйствительно составляет обществоное бѣдствіе.

Второе обстоятельство, на счетъ котораго намъ надо съ почтеннѣмъ авторомъ предварительно согласиться, это опредѣленіе словъ: *полезность, цѣнность, трудъ*. Мы съ нимъ хотя не расходимся въ понятіяхъ и взглядахъ, но называемъ одни и тѣми же именами вещи различныя. Предварительное соглашеніе поэтому необходимо.

Почтенный авторъ «Популярныхъ разсужденій» опредѣляеть полезность: «*это есть сумма физическихъ свойствъ предмета и содѣйствія силъ природы къ его образованію*». Подъ именемъ же цѣнности онъ разумѣеть: «*количество человѣческихъ услугъ, сосредоточенныхъ въ предметѣ*».

Я же подъ именемъ полезности понимаю известное качество предмета, и — именно качество предмета, по которому онъ можетъ удовлетворять человѣческія потребности, если это качество известно людямъ и одобрено разсудкомъ. Для меня все равно, качество это перешло къ предмету отъ содѣйствія силъ природы, или отъ дѣятельности человѣка. Подъ именемъ цѣнности я разумѣю такое качество предмета, по которому онъ дѣйствительно въ наблюдаемое время удовлетворяетъ потребности человѣка; также не обращая вниманія на то, происходитъ ли это качество отъ силъ природы, или оно сообщено предмету дѣятельностью человѣка. Полезность есть — цѣнность въ возможности, цѣнность же есть — полезность въ дѣйствительности.

Почитаю нелишнимъ оправдать себя въ томъ, что придаю такое значеніе словамъ: полезность и цѣнность. Я ссылаюсь въ этомъ отношеніи: во первыхъ на авто-

ритеть извѣстнѣйшихъ французскихъ политico-экономовъ, а во вторыхъ на авторитетъ военно-учебныхъ заведеній въ Россіи. Когда я имѣлъ честь преподавать въ столичныхъ корпусахъ политическую экономію и статистику, тамъ слова полезность и цѣнность опредѣлялись приведеннымъ здѣсь образомъ. И такъ да позволено мнѣ будеть въ этомъ отношеніи опираться на авторитетъ профессоровъ Шульгина, Ивановскаго и г-на Соколовскаго, участвовавшихъ тоже въ преподаваніи политической экономіи въ столичныхъ корпусахъ.

Но даже, оставивъ въ сторонѣ авторитеты, очевидно, что между нами и почтеннымъ авторомъ Популярныхъ размышленій нѣтъ противорѣчія во взглядахъ на полезность и цѣнность. Я не могу не допустить, что во всякомъ предметѣ, способномъ удовлетворять человѣческія потребности, находится известная сумма его физическихъ свойствъ, и содѣйствія силъ природы къ его образованію, какъ равно и известное количество человѣческихъ услугъ, въ немъ сосредоточенныхъ. Для меня же важно утвердительное рѣшеніе слѣдующихъ вопросовъ: нѣкоторые предметы имѣютъ ли качество, известное людямъ, по которому они могутъ удовлетворять потребности человѣка, будь это качество слѣдствіемъ дѣйствія силъ природы или дѣятельности человѣка? Существуетъ ли въ нѣкоторыхъ предметахъ качество, по которому они на самомъ дѣль удовлетворяютъ потребностямъ человѣческимъ, тоже независимо отъ того, откуда предметомъ сообщено это качество? Случается ли иногда, что предметъ, могущій удовлетворять человѣческія потребности, по своимъ качествамъ, на самомъ дѣль ихъ не удовлетворяетъ? Изслѣдованіе причинъ такого явленія и его прямыхъ послѣдствій интересно ли для науки? — Я ни мало

не сомневаюсь въ томъ, что почтенный авторъ, въ свою очередь, согласится на эти вопросы отвѣтить утвержденно.

Слѣдуя дальше за мыслями почтенного автора, «Популярныхъ размѣнений», выразимъ отношеніе къ нашему предмету, иначе приходится замѣтить: 1) мысль его, что для общества и частного человека, какъ потребителя, выгодно, чтобъ сумма услугъ человѣческихъ, во всякомъ предметѣ, служащемъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, была какъ можно меньше, а сумма его физическихъ свойствъ, полезныхъ человѣку, наоборотъ, какъ можно болѣе; мысль эта ясна, но только подъ такимъ условиемъ, если производитель, т. е. лица, услуги которыхъ сосредоточиваются въ предметѣ, способомъ удовлетворять чѣловѣческимъ потребностямъ,— не пострадаетъ. Не стану напоминать теперь о недѣствіяхъ, которая необходимы и логически приходится вывести изъ этой мысли. 2) Если цѣнность придаваться значеніе, которое я принялъ, то также надо сказать: чѣмъ менѣе цѣны предметы, удовлетворяющіе потребностямъ человѣка, темъ лучше для потребителей. Но польза отъ уменьшения цѣнности этихъ предметовъ, которая теперь доступна для однихъ потребителей, сдѣлается всеобщей, общественной пользою, въ такомъ только случаѣ, если отъ такого уменьшения цѣнности не пострадаютъ производители. 3) Что при теперешнемъ образѣ производства промышленности не увеличение въ предметахъ суммы полезности, сообщаемой природою, на сокрѣ суммы вхъ полезности, доставляемой услугами человѣка (буде это увеличеніе возможно), не уменьшитъ цѣнности предметовъ, происходящее отъ изобилия производства, не можетъ привести общественной пользы, потому что какъ въ первомъ, такъ и во

второмъ случаѣ пострадаютъ производители. 4) Такая общественная польза, при теперешнемъ образѣ производства промышленности, могла бы только произойти тогда, когда бы *все безъ избытка предметы*, удовлетворяющіе человѣческимъ потребностямъ, потеряли всякую цѣнность, были бы *ни ценны*, въ слѣдствіе огромности ихъ производства. Не хочу такъ мало думать о разсудкѣ читателей, чтобы ихъ спрашивать: подъ какими условіями это можетъ осуществиться? 5) Надо замѣтить еще, что при теперешнемъ образѣ производства промышленности, даровыя силы природы, сообщающія предметамъ качество удовлетворять человѣческимъ потребностямъ, находятся во владѣніи землевладѣльцевъ, которые никакъ ихъ не уступятъ даромъ, что следовательно обѣ уменьшеннія цѣнности предметовъ, посредствомъ увеличенія въ нихъ суммы этихъ даровыхъ качествъ и силъ природы, собственно говоря, не можетъ быть рѣчи. Приведенный почтеннѣй авторомъ примѣръ обѣ азельсинахъ въ Сициліи не можетъ ити къ дѣлу, потому что даже въ такомъ случаѣ, когда бы никто не употреблялъ своего труда на удобреніе азельсинио-родной земли, на насажденіе деревьевъ и пр., и тогда человѣкъ, желающій пользоваться азельсинами, долженъ бы бывать за платить землевладѣльцу ренту и въ дополнительный доходъ, и тогда бы стало быть азельсини были *ценны*. Кажется, этотъ предметъ былъ совершилъ изъясняясь и исчерпавъ въ корреспонденціи между Ж.-Б. Сенѣть и Рикардо. Почтенному автору «Популярныхъ размѣнений» нельзѧ искать въ этомъ отношеніи примѣра, развѣ въ странѣ совершило не цивилизованной, находящейся въ условій теперешнихъ обществъ, и теперешнаго образа производства промышленности.

Кромѣ полезности и цѣнности, важно еще уловиться

въ значеніи слова *трудъ*. Изъ неточнаго пониманія этого слова произошло множество противорѣчій, сбивчивыхъ и неточныхъ понятій, даже у экономическихъ авторитетовъ. Трудъ есть источникъ богатства; посредствомъ труда получаются предметы, удовлетворяющіе потребности. Отсюда ясно, чѣмъ больше въ обществѣ труда, тѣмъ лучше. Въ этой аксиомѣ таится основаніе, на которомъ построили свое ученіе защитники покровительства национального труда, такъ удачно названные покойнымъ Бастіа—сизифистами. Но съ другой стороны, человѣкъ, по самой своей природѣ, ищетъ благосостоянія и избѣгаетъ страданій, а понятіе труда привыкли соединять съ понятіемъ тяжести, работы, изнуренія и страданія. Отсюда произошло другое мнѣніе: чѣмъ меньше труда надо употребить для приобрѣтенія предметовъ и благъ, необходимыхъ человѣку, тѣмъ лучше. Какъ одно, такъ и другое мнѣніе односторонне, ихъ послѣдователи не винкнули хорошо ни въ сущность человѣческой жизни, ни въ значеніе слова *трудъ*. Не скажу: истина — посрединѣ; но спрошу какъ сизифистовъ, такъ и послѣдователей противоположнаго мнѣнія: почему къ понятію труда промышленнаго, существующаго имѣть результатомъ удовлетвореніе человѣческихъ потребностей, привязывать понятіе страданія, какъ условіе неизбѣжное? Въ природѣ ли вещей, чтобы человѣкъ удовлетворялъ свои потребности посредствомъ труда тяжкаго, изнурительнаго, губящаго его силы, и отнимающаго здоровье и способность трудиться, а слѣдовательно и производить? Въ природѣ ли вещей, чтобы такимъ образомъ человѣкъ, удовлетворяя своимъ потребностямъ, убивалъ себя? Нельзя ли замѣнить слово трудъ словомъ — дѣятельность, и придать этому слову значеніе упражненія пріятнаго, развивающаго силы и способности, доставляющаго чувство наслажденія?

(*bien étre*), и слѣдовательно имѣющаго результатомъ не только произведеніе предметовъ, удовлетворяющихъ потребности одновременно, но и изощреніе и приготовленіе силъ и способностей человѣка къ дальнѣйшему производству?

Если такое понятіе о труде промышленномъ справедливо, то можно сказать: такъ какъ по самой своей природѣ, по закону непреложному и стоящему въ человѣческаго произвола, человѣкъ удовлетворять своимъ потребностямъ, поддерживать жизнь — долженъ посредствомъ дѣятельности, развивающей его силы, и такимъ образомъ безпрестанно самовозраждающейся, то чѣмъ больше въ обществѣ такой дѣятельности, тѣмъ лучше.

Почтенный авторъ «Популярныхъ размышленій», разбирая мнѣніе автора «Записокъ плензенскаго земледѣльца», «что крестьянѣ не всегда рады бывають великому урожаю», дааетъ слѣдующее разсужденіе: «чѣмъ отличается урожайный годъ отъ неурожайнаго? Отвѣтъ кажется простъ; въ урожайный годъ земледѣлецъ получаетъ, положимъ, 40 четвертей тамъ, гдѣ онъ въ неурожайный годъ получить 10 четвертей. Если въ неурожайный годъ (по случаю большихъ цѣнъ на хлѣбъ) у крестьянина и семья бываетъ сыта, и скотина разводится, и сверхъ того есть на что рукавицы купитъ, (чего въ урожайный годъ онъ сдѣлать не въ состояніи, по случаю низкихъ цѣнъ на хлѣбъ), то очевидно ему выгоднѣе получить 10 четвертей, нежели 40 четвертей. Отчего же авторъ Записокъ не посовѣтовалъ ему сжечь 30 четвертей?»

Изъ приведеннаго мѣста должны заключить, что почтенный авторъ «Популярныхъ размышленій» не признаетъ, чтобы отъ изобилия хлѣба могло произойти бѣд-

ствіе. Дѣйствительно, это явленіе странно, возмутительно, ненормально, нельзя, не должно существовать по природѣ вещей, но — тѣмъ не менѣе существуетъ. Чтобы убѣдиться въ дѣйствительности этого плачевнаго факта, довольно обратить вниманіе на то, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. (*) Относительно же вопроса почтеннаго автора «Популярныхъ размышленій» почему авторъ Записокъ цицеронскаго земледѣльца не присовѣтовалъ крестьянамъ въ урожайные годы сожгать часть жатвы, тѣмъ больше что это необходимо и логично», если недовольно приведенного въ настоящемъ разсужденіи историческаго факта, что бывають примѣры уничтоженія части цѣннаго предмета, для того, чтобы за оставшуюся часть получить значительную цѣну, то я приведу фактъ больше известный, именно: голландцы не только однажды уничтожили всѣ деревья, производящія пряности на многихъ изъ Зондскихъ острововъ, но постоянно, изъ острововъ, на которыхъ оставили эти деревья въ целости, продавали *только извѣстную часть получаемыхъ пряностей*; оставшую же затѣмъ сожгли. Не знаю, дѣлается ли это и теперь.

Понятно, для чего голландская кунеческая компания дѣлала это. Она имѣла монополію производства пря-

(*) Можетъ ли изобиліе хлѣба въ урожайный годъ не причинить бѣдствія земледѣльцу? Отъ этого изобилія цѣна на хлѣбъ понижается, следовательно доходъ земледѣльца уменьшается. Доходъ опредѣляется качествомъ человека, какъ потребителя, какъ члена общества, следовательно его уменьшеніе влечетъ за собою для лица уменьшеніе въ этомъ качествѣ. Посмотрите на значеніе въ обществѣ лицъ, извѣшивающихъ всесъ дохода. Ироничайте строки, приведенные выше изъ рѣчи барона Тенара, и вы убѣдитесь въ томъ, что отъ изобилія хлѣба страдаютъ не одни земледѣльцы.

ностей, и такъ какъ сї никто не могъ воспрепятствовать производить пряности, сообразно ея интересамъ, т. е. соображать предложеніе пряностей съ запросомъ на нихъ, то они вели дѣла свои прибыльно. Въ данной странѣ земледѣльцы, при теперешнемъ образѣ производства промышленности, и по необходимымъ и существеннымъ условіямъ этого образа производства, стремятся къ тому, чтобы *имѣть монополію производства хлѣба*, точно также, какъ голландская компания имѣла эту монополію на пряности,—удивительно ли, что они имѣютъ интересъ поступать точно также, какъ поступала эта компания, т. е. *уравновѣшивать предложеніе хлѣба съ запросомъ на него*, какъ это совѣтуетъ имъ дѣлать баронъ Тенаръ. Только въ этомъ отношеніи земледѣльцы, напр. Франціи, не имѣютъ той возможности, которую пользовалась голландской компанией, дѣйствовавшей сообразно своимъ интересамъ: конкуренція земледѣльцевъ другихъ странъ и мѣры правительства прещаютъ имъ въ этомъ. Все сказанное можно совершенно отнести и къ производителямъ другихъ промышленныхъ продуктовъ, съ тѣмъ только разъ различиемъ, что по крайней непослѣдовательности разъ принятымъ начальемъ, интересы и монополія фабрічныхъ дѣятелей, въ слѣдствіе покровительственной системы, повсемѣстно защищаются.

Изъ всего сказаннаго намъ приходится вывести логическія заключенія:

- 1) Изобиліе хлѣба въ обществѣ составляетъ бѣдствіе.
- 2) Это плачевное явленіе никакъ не въ природѣ вещей, а происходитъ отъ кореннаго недостатка въ теперешнемъ образѣ производства промышленности, основанномъ на монополіи и конкуренціи.

3) Тоже можно сказать и о изобилії всіх промисловихъ продуктовъ, отъ которого происходятъ такъ называемые мануфактурные кризисы и застои. Не было ли такъ, что английские мануфактурные продукты продавались въ южной Америкѣ и Австралии дешевле, чѣмъ на рынкахъ Англіи, и ниже уровня издержекъ ихъ производства? Это явление, его причины и послѣдствія, болѣе важныя, чѣмъ обыкновенно полагаютъ, мы тоже на мѣревасмся изслѣдоватъ подробно въ статьѣ о колоніяхъ.

4) Заблужденіе экономистовъ по этому предмету состояло именно въ томъ, что они не дѣлали различія между природою вещей и теперешнимъ образомъ производства промышленности; или скорѣе въ томъ, что они полагали тендершній образъ производства промышленности основаннымъ на природѣ вещей, --нормальнымъ; поэтому, видя явную нелѣнность темы: *по природѣ вещей изобиліе хлѣба составляетъ бѣдствіе* и не желая допустить другой темы: *бѣдствіе отъ изобилія хлѣба происходитъ въ силѣствіе теперешняго образа производства промышленности*, --они должны были отвергать и существование самаго явленія, самаго бѣдствія отъ изобилія хлѣба. Но ежедневный горький опытъ не дасть довольствоваться однимъ только отрицаніемъ существованія бѣдствія, которое действительно существуетъ. Было бы очень хорошо, еслибы для того, чтобы излечиться отъ болѣзни, больному довольно было—сказаться здоровымъ.

Въ «Популярныхъ размышленіяхъ» изъ области политической экономіи есть статьи въ высшей степени интересныя. Тамъ сказано: «еслибы каждый человѣкъ жилъ отдельно, еслибы онъ трудился исключительно только для себя, еслибы онъ непосредственно потреблялъ

плоды своихъ трудовъ, однимъ словомъ еслибы онъ не обмѣнивалъ, то міръ никогда не могъ бы узнать теоріи недостатка.»

Очевидно, что мысль эта безукоризненно истинна. Нельзя сказать ни одного слова въ ся опровергніе. Очевидно, что человѣкъ, живущій отдельно, трудился бы только для того, чтобы въ результатахъ получить предметы, удовлетворяющіе его потребностямъ, и никакъ не подумалъ бы для того, чтобы получить возможность приобрѣтенія этихъ предметовъ, прибегать къ монополіи, какъ средству получить доходъ, на который уже онъ могъ бы получить предметы потребленія, какъ это дѣлается теперь въ обществѣ. Если рядомъ съ этою вѣрною мыслию почтенного автора «Популярныхъ размышленій» поставить другую мысль совершенно вѣрную, заключающую въ себѣ фактъ неоспоримый, именно, *изобиліе хлѣба въ обществѣ или какого бы то ни было промышленнаго продукта составляетъ общественное бѣдствіе*, то придется заключить, повидимому, что причиной бѣдствій, происходящихъ отъ изобилія хлѣба въ обществѣ, есть сама общественная жизнь! Мысль ужасная, но къ счастію—совершенно ложная. Мысль эту—о вредности общественной жизни—самымъ остроумнымъ образомъ выразилъ Ж.-Ж. Руссо, въ послѣдствіи и другіе мыслители, пораженные явными несообразностями въ жизни человѣческой, принялъ ее въ цѣлости или отчасти. Такъ какъ усовершенствованные машины—следствіе раздѣленія занятій, составляютъ одно изъ необходимѣшихъ явленій общественной жизни, то и Симонъ Симониди, возстававшій противу ма-

шить, должен быть причислен к изобретателям Руссо.

Такъ какъ никакимъ образомъ неизбѣжно съткнуться, чтобы мысль, что *общественная жизнь есть причина бѣдствій, а приватная — изобилия* — была вѣриа, то надо встать другимъ, бѣзъ легчайшаго исхода изъ приведенныхъ выше предложенийъ. Если же мысли по читающему автора «Некоторыхъ размышлений», поставить на мое слово: *тогда можно сказать* — слово: *общество*, то мысль эта подтверждается следствиемъ, и выходитъ предложение: если бы общество не было основано на *мире*, въ теперешнемъ си виде, если бы следовательно члены его не были принуждены отречься отъ *экономики*, къ средству приобрѣтения *добра*, на который они ѿже могутъ получать *предметы или изобилие*, то изобилие хлѣба не составляло бы общественного бѣдствія. Въ самому дѣлѣ, отдельнаго человека нельзѧ себѣ представить; такой чловѣкъ, собственно говоря, не существуетъ въ природѣ. Мысль нынѣшняго автора «Некоторыхъ размышлений» следовало бы выразить такъ: если бы отдельный мужчина или отдельная женщина, живя отдельно, си възмѣтъ общества, поддерживали свое существованіе непосредственно труда, для него, или для подсобнаго и союзного имъ бѣдствія. (Посмотрите, ни въ одномъ монастыре, ни въ одной солдатской казармѣ, изобилие чего бы то не было излишнаго никогда не начинается за бѣдствіемъ). Но въ отдельнаго мужчины, ии отдельной женщинѣ не будутъ существовать эти природы. Мужчина и женщина, излишне имѣтъ, составляютъ чловѣка, и имѣтъ съ тѣмъ первую ступень общества — супружескій, который составляетъ не изъ следствіе чловѣческаго произвола, или какихъ-либо соображеній контрактовъ, но существуетъ по силѣ непреложныхъ зако-

законъ природы, какого либо творца, напр. хлѣба, по которому приходится идти, то приводитъ въ землю, супружескимъ, напр. въ землю, въ которую входитъ изъ тополиного (бородавочного) дерева, подъ

новъ человѣческой природы, и въ послѣдовательности — органически развивается въ семейство и государство. Собственно говоря, можно себѣ представить и семейство, живущее въ условій теперешней общественной жизни, трудами своихъ приобрѣтающее средства содержанія, въ которомъ существуетъ даже раздѣленіе занятій, во котораго члены трудятся не для приобрѣтения дохода, непосредственно котораго могли бы получать предметы имъ необходимые, а прямо для приобрѣтения этихъ предметовъ; въ такомъ семействѣ не имѣется избыточнаго, оно не смыкается предметомъ спѣкомъ, и стало быть въ немъ изобиліе хлѣба, или изъ предметовъ излишнихъ не составлять бѣдствія. Если это можно себѣ представить для семейства, почему же не представить себѣ тогоже о государствѣ, или чловѣчествѣ? Въ самомъ дѣлѣ, если чловѣкъ живетъ въ обществѣ не по произволу, но по самой своей природѣ, то можетъ ли быть, чтобы его состояніе въ обществѣ, — состояніе, согласное съ непреложными законами природы, было хуже, нежели состояніе виа общества, состояніе, противное законамъ его природы. Можетъ ли быть, чтобы причиной его бѣдствій была общественная жизнь? Очевидно, это невозможнo. Но, если сама общественная жизнь виа произвела чловѣка, независима отъ его расчетовъ и соображеній, те некоторые формы и условия этой жизни зависятъ отъ его свободной воли. По этой природѣ, чловѣкъ долженъ быть самъ строителемъ своего благосостоянія, въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ условіяхъ. Итакъ собственно, не общественная жизнь виновата того, что изобилие въ обществѣ излишныхъ предметовъ теперь можетъ состав-

лять избытокъ, призывающій природу къ наказанію, когда, воруясь въ страну чужестранца, приходитъ въ землю, въ которую входитъ изъ тополиного (бородавочного) дерева, подъ

лять общественное бѣдствіе, по некоторыя, исторически неправильно сложившіяся условія общественной жизни, условія, совершенно удобоизмѣнимыя и состоящія въ совершенной зависимости отъ свободной и озаренной разумомъ воли человѣка.

И. Ястржембскій.

О поддельѣ съѣстныхъ припасовъ и медикаментовъ.

Въ 4-мъ № Морскаго Сборника прошлаго года въ краткомъ руководствѣ, данномъ морскимъ врачамъ для осмотра и освидѣтельствованія провіанта, преимущественно въ судебно-медицинской отрасли, говорится только о поддельѣ и пропажахъ изъстроганныхъ веществъ въ съѣстные припасы, относящихъ съ военныхъ командъ, но не упоминается ни слова о поддельѣ всѣхъ вообще съѣстныхъ припасовъ, а также и лѣкарствъ, и вообще то въ одномъ изъ нашихъ періодическихъ изданій не случалось читать ничего объ этомъ предметѣ. Невольно подумаешь какъ земля наша обильна, если до сихъ поръ кутии наши не приблизили въ поддельямъ съѣстныхъ припасовъ, но притомъ многихъ государствъ, въ особенности Великобританію, где въ некоторыхъ мѣстностяхъ смертность бываетъ отъ 15 на 100, а въ другихъ до 25 чл. и больше на 100; причина этого заключается не въ одномъ клamatическомъ вліяніи, но и въ пищи, употребляемой жителями. Аучинимъ доказательствомъ послѣдняго можетъ служить заботливость англійскаго правительства къ открытію злоупотребленій, относительно поддельки съѣстныхъ припасовъ въ частия